

К. В. Чистов

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ¹

Для современного этапа развития этнографии и фольклористики характерно стремление четче определить свой предмет, свои границы и взаимоотношения со смежными или родственными науками. Так, сравнительно недавно обсуждалась проблема взаимоотношения этнографии, истории и социологии. В последние годы неоднократно дебатировались различные аспекты взаимоотношения этнографии и географии населения этнографии и археологии, этнографии и антропологии, этнографии и этнической картографии, этнографии и топонимики и т. д. С другой стороны, продолжается обсуждение роли и места фольклористики в ряду общественных наук²; памятна дискуссия, связанная с книгой Б. А. Рыбакова «Древняя Русь», которую можно было бы обозначить «фольклор — история — археология»; общеакадемический научный совет по фольклору планирует в 1968 г. конференции по проблемам «фольклор и литература» и «фольклористика и музыковедение».

Проблема «фольклор и этнография» чрезвычайно обширна и может рассматриваться на разных теоретических и хронологических уровнях. Известно, что этнография интересуется определенными проблемами истории народов земного шара, начиная с первобытности и кончая современностью. Таков же и исторический возраст фольклора. Он возник впервые в процессе формирования человеческой речи. Вместе с тем для многих народов земного шара (даже для большинства из них) фольклор — явление живое и актуальное или, по крайней мере, связанное с самым недавним прошлым. Поэтому мы остановимся в настоящей статье лишь на некоторых вопросах, которые имеют сейчас наибольший практический интерес как для фольклористики, так и для этнографии.

В. Е. Гусев, подчеркивая специфику фольклора как искусства, с одной стороны, коллективного, а с другой — синкретического по своему характеру, т. е. использующего в качестве своего материала не только слово, но и мимику, жест, мелодию, элементы хореографии и т. д., ратовал за фольклористику как самостоятельную науку, которая в своем движении должна избежать как Сциллы литературоведения, так и Харибды этнографии. Я не думаю подвергать сомнению право фольклористики на самостоятельность — у нее, действительно, есть свой достаточно обширный и определенный предмет, и, тем более, я не думаю подвергать сомнению специфику фольклора как явления искусства, однако важно подчеркнуть, что основная особенность фольклористики заключается и должна заключаться как раз в том, что она одновременно является и наукой филологической и этнографической, поскольку каждое

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного на конференции «Фольклор и этнография», состоявшейся 26—29 марта 1968 г. при Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР (см. о ней в этом же номере журнала, стр. 143—149).

² Доклад на эту тему читался в 1968 г. В. Е. Гусевым в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР и Ин-те русской литературы АН СССР. См. также его книгу «Эстетика фольклора», Л., 1967.

фольклорное явление есть всегда и одновременно и факт народного быта, и факт словесного искусства. Иными словами, каждое фольклорное явление есть и бытовое, и эстетическое явление.

Вместе с тем фольклор (особенно если обратиться к прошлому) не просто одно из многих проявлений народного быта; фольклором был пронизан весь народный быт во всех его проявлениях. В фольклорные формы отливался народный опыт и народные знания, народные представления сначала родов и племен, позже — народов о прошлом земли, на которой они обитали или обитают. Фольклор был, как справедливо писал В. Я. Пропп, «интегрирующей частью обрядов»³, причем обрядов самых различных — и производственных (охотничьих, рыбачьих, скотоводческих, земледельческих), и семейно-родовых (родильных, инициационных, свадебных, похоронных). В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, литературой, религией. В своих более поздних формах фольклор был важнейшим видом и формой народной идеологии и народных развлечений, средством воспитания детей и сферой художественной деятельности человечества, весьма существенной частью национальной культуры⁴.

Фольклор не только важнейший элемент народного быта, в нем подчас сохраняются драгоценные свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, социальной психологии и материальной культуре прошлых эпох, не зафиксированные в источниках иного рода — письменных документах или археологических памятниках.

Фольклор — бесспорно, один из важнейших этнографических источников. Однако этой формулой иной раз злоупотребляют или она понимается таким образом, что совершенно затемняется другая сторона проблемы, о которой только что шла речь. Утверждается, что фольклор важен этнографам не сам по себе, не как неотъемлемая часть народного быта и народной культуры, а лишь как источник для изучения других сторон и других элементов быта — социальных отношений и пережитков, одежды, жилища, пищи и т. д.

Это явная аберрация, свидетельство узости взглядов, издержки чрезмерной специализации, которая характерна для нашего времени, потеря представления об этнографии как о комплексной науке, изучающей народный быт и его историю как целостное явление, органической частью которого является и фольклор.

Русская этнография вправе гордиться тем, что фольклорные исследования и фольклорные проблемы всегда занимали важное место в системе этнографических знаний. Не перечисляя всем известных имен и книг, можно напомнить, что в деятельности таких замечательных этнографов, как Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров, фольклор всегда занимал важное место. Фольклорная комиссия Института этнографии в начале 1930-х годов возглавлялась выдающимся советским фольклористом М. К. Азадовским, учившимся этнографии у Л. Я. Штернберга и впоследствии много сделавшим для изучения русского населения Сибири. В 1920—1930-е годы Центральный музей народоведения возглавлял известный фольклорист Б. М. Соколов.

³ В. Я. Пропп, Специфика фольклора, в кн. «Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова. Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук», Л., 1946, стр. 138, сл.

⁴ Подробнее о роли фольклора в процессе развития современной культуры и о задачах фольклористики см.: К. В. Чистов, Фольклористика и современность, «Сов. этнография», 1962, № 3.

Эти традиционные связи фольклористики и этнографии в наши дни получили свое продолжение в деятельности этнографов-сибироведов, африканистов, американистов и востоковедов различных специализаций⁵.

Заметным явлением в этом смысле стали фольклорные разделы томов серии «Народы мира». Впервые в нашей стране были опубликованы сведения о фольклоре большинства народов земного шара. Разделы эти очень различны. К сожалению, некоторые из них коротки и формальны. Однако в своей совокупности они охватили огромный материал, превосходящий имеющиеся в международной фольклористике сводки материалов. Весьма важно и то, что сведения о фольклоре отдельных народов или групп народов являются здесь составной частью общего этнографического описания.

Отметим еще одно характерное заблуждение, отчасти связанное с упоминавшейся формулой «фольклор — этнографический источник». Оно заключается в том, что в фольклористических исследованиях будто бы есть аспекты и темы филологические и этнографические, причем те и другие могут существовать и развиваться раздельно и независимо друг от друга. Это, безусловно, не так.

В этой связи полезно обратиться к некоторым проблемам, которыми была занята наша фольклористика в последние годы, и осветить их с этой точки зрения.

Последние годы можно отчетливо разделить на два весьма различных периода в развитии фольклористики. Второй из них начался с середины 1950-х годов и длится по настоящее время. На рубеже этих двух периодов, особенности которых связаны с общими общественно-политическими процессами, — четырехтомные коллективные «Очерки по истории русского народного поэтического творчества», оказавшие значительное влияние на всю советскую фольклористику. «Очерки» были первой попыткой развернутого исторического рассмотрения русского фольклора. В подготовке этого издания принимали участие видные специалисты-фольклористы — медиевисты и руссисты⁶. Именно поэтому темпераментная дискуссия, которая сопровождала появление четырехтомника, могла иметь в виду не индивидуальные успехи или поражения отдельных авторов, а трактовать положительные или отрицательные качества «Очерков» как достоверные свидетельства состояния науки в целом (особенно русской фольклористики).

Один из крупнейших недостатков «Очерков» заключался в попытке применить к фольклору общеисторическую или общелитературную периодизацию. Выяснилось, что фольклор плохо уместается в рамки подобных членений⁷. Как бы в конечном счете ни зависело его развитие от общих социально-экономических и политических причин, он развивается вместе с тем и по своим специфическим закономерностям. (Кстати

⁵ См. В. К. Соколова, Советская фольклористика к 50-летию Октября, «Сов. этнография», 1967, № 5; А. И. Першиц и Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии, там же.

⁶ «Русское народное поэтическое творчество», т. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в.», М.—Л., 1953; т. II, кн. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века», М.—Л., 1955; т. II, кн. 2 — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века», М.—Л., 1956; «Очерки русского народного поэтического творчества советской эпохи», М.—Л., 1952.

⁷ М. О. Скрипиль, Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVIII веков), «Русский фольклор», вып. 1, М.—Л., 1956; А. Н. Лозанова, Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества (от XVIII века до кануна Великого Октября), там же; А. Д. Сойманов, К вопросу о периодизации народного поэтического творчества советской эпохи, там же.

говоря, учесть недостатки этой периодизации важно и для других разделов этнографии. Механическое перенесение общей периодизации на конкретные разделы истории материальной и духовной культуры обычны, и столь же нуждаются в критическом рассмотрении). Дальнейшее изучение и обсуждение этого вопроса фольклористами показали, что необходимо систематическое и тщательное изучение законов развития отдельных жанровых форм, выяснение особенностей отношения каждого жанра к исторической действительности, характера его историзма, типа его связи с другими жанрами, изучение причин продуктивности или непродуктивности жанров в отдельные исторические периоды, природы традиционности и способов передачи по традиции, степени изменчивости текстов и границ этой изменчивости, степени проницаемости отдельных жанров для межэтнических влияний и т. д.

В последующие годы фольклористами, изучающими фольклор различных народов Советского Союза, было создано, как констатировал В. Я. Пропп в одной из своих статей, «учение о жанрах» или теория жанров. Был выдвинут тезис: «жанр — основная категория фольклористики»⁸.

Казалось бы, что все это вопросы сугубо филологические или историко-эстетические. Однако это не так. Жанр в фольклоре — не просто определенный тип сочетания содержания и формы (как это принято писать в общих пособиях по эстетике) и не только тот или иной тип сочетания элементов словесных, мимических, музыкальных и т. д. Жанр — это прежде всего определенная социально-бытовая функция, бытовое назначение⁹.

Уже говорилось, что фольклор — широкая область, которая удовлетворяла (или удовлетворяет) самые различные потребности исполнителей и слушателей, т. е. фольклор полифункционален. Родовое сказание и заговор при свеживании убитого зверя, историческая песня и похоронное причитание, календарно-обрядовая песенка и социально-утопическая легенда, загадка и лирическая баллада отличаются не только тематически и даже не просто как художественные структуры разного характера, но именно своим бытовым назначением, функцией. Последняя определяет и материал (т. е. тип сочетания слова с элементами других искусств), при помощи которого та или иная потребность удовлетворяется, и тип сочетания элементов практического и эстетического характера, и все дальнейшее — поэтику жанра, характер его отношения к действительности, особенности бытования текстов, границы социально-психологической общности, которая считает тот или иной текст своим коллективным достоянием, и все другие особенности жанра или отдельного фольклорного произведения на определенном этапе его развития. Таким образом, кардинальная проблема фольклористики — специфика жанров — может быть решена только при условии рассмотрения каждого жанра одновременно и в филологическом, и в культурно-бытовом, т. е. этнографическом аспекте.

То же самое можно было сказать и о таком казалось бы специфическом филологическом разделе фольклористики, как текстология,

⁸ В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, «Русская литература», 1963, № 3; его же, Принципы классификации фольклорных жанров, «Сов. этнография», 1964, № 4. Указания на работы по отдельным жанрам см.: М. Я. Мельц, Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959 г. Л., 1961; е е же, Русский фольклор. Библиографический указатель, 1960—1965, М., 1967.

⁹ Подробнее см. об этом в наших работах: «К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы», М., 1964 и «Проблема категории устной народной прозы несказочного характера», журн. «Fabula», В. 9, Hft. 1—3, S. 13—26.

тоже особенно активно развившемся в последние годы¹⁰. Фольклористическая текстология исходит в понимании своих задач прежде всего из основного различия между фольклором и литературой (равно письменной или печатной). Оно заключается в следующем. Литературный текст — материализованный посредник между писателем и читателем. Вместе с тем, он обычно разъединяет их хронологически и локально. В фольклоре же устный текст объединяет в едином и одновременном акте творчество (исполнение) и восприятие (исполнителя и слушателя), а каждое новое звучание текста есть не просто прочтение однажды зафиксированного, а воспроизведение, восстановление текста в его звуковых, мимических, музыкальных, хореографических и других формах в соответствующих условиях общения исполнителя и слушателя, т. е. в конечном счете в определенных бытовых условиях. Следовательно, и эта филологическая проблема в конечном счете оказывается одновременно проблемой и филологической, и этнографической.

С другой стороны, этнограф, занимающийся фольклором, или даже просто соприкасающийся с ним, не может каждый раз не учитывать филологической (или, точнее, теоретико-эстетической) стороны дела и прежде всего специфики того фольклорного жанра, к которому он обращается. Проблема усложняется еще тем, что в фольклоре, так же как во многих других видах искусства, отражается, как правило, не историческая действительность, а народное отношение к ней, определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки.

Классический пример ошибки, связанной с непониманием этой особенности народной поэзии, — статья С. К. Шамбинаго¹¹, который считал, что изображение жилища в былинах полностью соответствует действительности, и поэтому по былинам можно будто бы восстановить не только весьма ценное для нас представление крестьян о старинном жилище, но и само это жилище. Характерно, что при этом он пришел к выводу, что в былинах «описано» жилище не киевской поры, а московского периода. Это не смутило исследователя. Он считал, что былина при своем возникновении отражает действительность прямо и непосредственно и поэтому счел возможным и само возникновение былин отнести к московскому периоду.

С. К. Шамбинаго был приверженцем так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, считавшей, что историческая действительность отражается в фольклоре и в деловой письменности (летописи) примерно одинаково. Почему бы и не считать былинку не только историческим документом, но и своеобразным этнографическим очерком? Эта характерная ошибка передалась даже такому крупному ученому, как Б. Д. Греков. Она сказалась в его известной и чрезмерно прямолинейной формуле: «Былины — летопись, написанная самим народом». Впрочем, подобным ошибкам подвержены и фольклористы. Так, например, В. Е. Евсеев видит в «больших полях», которые упоминаются в карельских рунах, не идеализированное представление карельского крестьянина, теснившегося на каменных полосках, а прямое отражение некогда существовавших общинных запашек (существовали ли таковые в действительности — тоже еще нужно доказать!)¹². Одним словом, смысл и достоверность любого факта, который можно отыскать

¹⁰ См. К. В. Чистов, *Современные проблемы текстологии русского фольклора*, М., 1963; Сб. «Текстологические принципы изучения фольклора», М.—Л., 1965 и др.

¹¹ С. К. Шамбинаго, *Древнерусское жилище по былинам*, «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900.

¹² В. Я. Евсеев, *Исторические основы карело-финского эпоса*, кн. I, М.—Л., 1957, стр. 151—154 и др.

в фольклорном тексте, может быть установлен только при условии ясного понимания художественной системы, в которую он включен, его назначения в системе жанра. Степень достоверности или деформации факта, его реальность или идеализированность, историчность или фантастичность (все эти случаи можно встретить в фольклоре!) зависят и от жанра, и от конкретного соотношения вещей в конкретном произведении.

Эта тема — методика определения достоверности данных, извлекаемых из фольклорного текста, — заслуживает специального и систематического рассмотрения. Приведу только один пример, который мне представляется выразительным. В традиционном севернорусском обряде важное место занимает баня. Ей придавалось не только гигиеническое, но и магическое, обрядовое значение. Вопрос этот рассматривался в свое время Д. К. Зелениным и Е. Г. Кагаровым, а в недавнее время заново и очень обстоятельно исследован в книге финляндского слависта Н. Вахрос¹³.

Как же и чем топились предсвадебная баня? Кроме свидетельств наблюдателей, сохранились так называемые «баенные» причитания, в которых изображаются обрядовые действия, совершавшиеся в процессе топки бани. Однако при внимательном чтении «баенных» причитаний можно обнаружить не только в разных, но даже в одних и тех же текстах (данный пример именно этим и интересен) весьма противоречивые данные. Так, в одном из подобных текстов, записанных Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, изображается, как невесту ведут в баню. Ей говорят о том, что баня топилась наилучшим образом — наилучшими дровами, какие только можно измыслить, и здесь вступает в силу закон идеализации:

И одно дёревче... сахарное,
И друго дёревче... виноградное,
И третье дёревче... дубовое¹⁴.

Известно, что в севернорусских областях дуб не растет, виноград — тем более; «сахарные» деревья не известны вовсе (если не иметь в виду сахарный тростник).

Невеста не верит тетке, топившей баню; она попрекает ее за то, что баню топили не наилучшими, а наоборот, наихудшими дровами:

Она дровцами топила все осиньма
И лучиной разжигала все сосновой¹⁵.

Это также неправдоподобно — осиной никто не стал бы на севере топить баню, тем более свадебную.

Когда девушка, наконец, попадает в баню, рисуется третий, и наиболее близкий к действительности вариант:

Дровцама ... сосновьма
Лучиной ... еловой ...¹⁶

¹³ Dm. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927, S. 313—314; Е. Г. Кагаров, Состав и происхождение свадебной обрядности, Сб. МАЭ, 1929, т. 8, стр. 152—195; I. Vahros, Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna, Helsinki, 1966.

¹⁴ «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», ч. III, в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1885, вып. III—IV, стр. 101.

¹⁵ Там же, стр. 121.

¹⁶ Там же, стр. 100. Ср. Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Востоchnославянский этнографический сборник», М., 1956, раздел «Топливо», стр. 267—268.

Пример этот показывает, как может меняться изображение в зависимости от эмоциональной и, следовательно, эстетической задачи, возникающей в ходе повествования. Он показывает вместе с тем, что свадебные причитания с равной легкостью допускают и приукрашенное, и ухудшенное, и правдоподобное изображение действительности. Если три подобных случая встретятся рядом в одном и том же тексте, разобраться в них не составит труда. Сложнее, когда перед нами только одно изображение и нам предстоит решить — в какой мере оно достоверно.

Совершенно то же самое мы находим и при изображении фольклором других сторон быта. Так, например, в тех же свадебных причитаниях дом жениха, в котором предстоит жить невесте, изображается тем или иным способом, в зависимости от того, кто произносит причитание и к кому оно обращено. В одном случае рисуются невиданно красивые хоромы с точеными балясинками и резными наличниками, в другом случае — это мрачная курная полуземлянка, в которую «решетом свету nanoшено». В похоронных причитаниях по девушке-невесте обычно описывается приготовленный для нее подвенечный наряд, который остался неиспользованным. Эти описания представляют большую ценность и, к сожалению, на них до сих пор еще не обратили достаточного внимания специалисты по одежде. Однако надо иметь в виду, что в этих описаниях рисуется некий идеал, который весьма редко удавалось реализовать в быту. При этом хочется подчеркнуть, что идеализированность описаний вовсе не обесценивает их — выяснить крестьянское представление об идеальной одежде, в данном случае свадебной, этнографу не менее важно, чем знать, в какой мере оно могло реализоваться. Однако для этого надо ясно представлять себе, в каких случаях мы встречаемся именно с подобными представлениями, а в каких — с изображением реально бытовавших вещей. Сходные примеры можно было бы привести из любого жанра русского фольклора или фольклора какого-либо другого народа. Сказанное касается не только материальной культуры, но и исторических фактов, отражения социальной организации и т. д. Сошлюсь на весьма интересные в этом смысле и вышедшие в последние годы книги Е. М. Мелетинского¹⁷ и посмертно изданную книгу А. М. Золотарева¹⁸. В этих книгах, так же как и в более ранней книге В. Я. Проппа¹⁹, содержатся весьма поучительные образцы тактичного использования фольклорного материала при обсуждении этнографических проблем.

Итак, мысль моя заключается в том, что фольклор — явление всегда и везде одновременно и бытовое, и художественное, поэтому и фольклористика должна быть одновременно наукой и филологической, и этнографической, а каждый фольклорный факт, который используется историком или этнографом, должен быть верно оценен в его эстетическом качестве как элемент определенной художественной структуры. С другой стороны, каждый факт, найденный в записанном фольклорном тексте и заинтересовавший этнографа, должен быть оценен с его текстологической стороны, т. е. надо всегда иметь в виду закон вибрации, варьирования фольклорного текста. Сопоставление вариантов одной и той же сказки, эпической песни или баллады показывает, что в традиции было устойчивым и обязательным и что варьировалось и было более или менее случайным. Это не значит, что неустойчивое всегда неинтересно —

¹⁷ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958; его же, Происхождение эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963.

¹⁸ А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

¹⁹ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.

в вариантах может всплыть весьма архаическая лексика, содержащая драгоценные историко-этнографические свидетельства, очень интересное представление, забытое историческое имя, этноним и т. д. Однако все это требует внимательного и осторожного рассмотрения. Недавняя дискуссия об историзме русских былин еще раз показала, что исторические реалии, содержащиеся в былинных текстах, очень различны по своему характеру и степени достоверности. Она еще раз показала, какие опасности подстерегают исследователя, когда он неосмотрительно пользуется фольклорными фактами.

И, наконец, еще один вопрос. В фольклорных разделах серии «Народы мира», так же как и в вышедших томах «Очерков общей этнографии», встречаются случаи, когда сведения о фольклоре какого-либо народа по существу не включены в систему этнографического описания этого народа. Сообщается, что такой-то народ рассказывает (или рассказывал) сказки и предания, поет песни, употребляет пословицы и поговорки и затем даются отсылки на литературу. Это, разумеется, не может удовлетворить, как не могло бы удовлетворить сообщение о том, что этот же народ живет в жилищах (неизвестно каких), одевается в одежды (неизвестно какие) и употребляет пищу (неизвестно какую) или он живет семьями и объединяется в общины (неизвестно какого типа). Фольклор может стать органическим элементом этнографического описания только в том случае, когда выработано представление об его историческом типе, уровне и своеобразии, о характерной структуре его жанрового репертуара, об его этнических связях и т. д. — одним словом, когда существует, так же как в других аспектах культуры этого народа, отработанная историческая и этническая типология. Только в этом случае фольклорный материал может активно использоваться при разработке проблем этногенеза, этнической и культурной истории. Фольклорный материал раскроет содержащиеся в нем этнические проблемы только тогда, когда потребуется объяснить эту типологию и эти связи.

Так, например, фольклор палеоазиатских народов интересен не только сам по себе, но и в его связях с фольклором североамериканских индейцев и, с другой стороны, в свете проблемы так называемого «чукотского клина», рассекающего эти связи. При значительном единстве географических условий (о которых недавно с таким непомерным преувеличением писал Л. Н. Гумилев в своих статьях об «этносе»²⁰), хозяйственно-культурного типа и, соответственно, близости материальной культуры фольклор этнических групп, населяющих Карпаты, сохраняет заметные различия (например, наличие у прикарпатских румын эпоса, которого нет ни у венгров, ни у словаков). Или другой случай: наличие эпических песен у карел и русских на Севере, живших многие столетия в весьма близких исторических и социально-экономических условиях, и совершенно разный характер карельского и севернорусского эпоса. Сказания о нартах интересны не только своими великолепными художественными качествами и уникальной архаичностью многих сюжетов, но и своей связью со специфической проблемой матриархата на Северном Кавказе и своим продолжением у абхазов, в этногенезе которых принимали участие этнические группы, родственные северокавказским. Вне этнической истории белорусов не может быть объяснено, почему в белорусском фольклоре сочетаются весьма архаические предания об «асилках» и «волотах» и очень поздняя и развитая социально-бытовая сказка.

²⁰ Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Этнография, Л., 1967; его же, Этнос как явление, там же.

Подобных примеров можно было бы привести множество. Многие из упомянутых проблем в той или иной степени затрагивались исследователями, другие только поставлены. Решению многих из них могло бы помочь активное участие фольклористов в разработке проблем этногенеза и этнической истории. Эти проблемы будут решены особенно успешно, если наши исследования будут развиваться в историко-сравнительном направлении. Недавно вспоминался замечательный завет Л. Я. Штернберга: «Знать один народ — это значит не знать ни одного». Между тем в силу целого ряда причин, действовавших в недавние годы, наши фольклористы и этнографы очень часто замыкаются в рамках одного народа или группы близкородственных народов, либо обращаются к сравнительному материалу только ради обнаружения сходства. При этом теряются представления об этнических отличиях, о специфическом развитии сходных процессов в разных исторических условиях и разных этнических средах.

Вместе с тем в последнее десятилетие именно советскими фольклористами создан ряд работ историко-сравнительного характера, имеющих важный теоретический смысл для всей этнографии и позволяющих теперь значительно лучше разбираться в сложном механизме возникновения сходных фольклорных явлений разного уровня (сюжеты, поэтика, функции жанров и т. д.), в типологии явлений, возникающих в результате действия законов конвергенции, диффузии, адаптации и т. д. Я имею в виду прежде всего работы В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа и Е. М. Медетинского и в области славистики работы П. Г. Богатырева, Б. Н. Путилова, В. Е. Гусева, В. К. Соколовой, Э. В. Померанцевой.

Очень важно было бы развернуть в Советском Союзе работу по составлению национальных и региональных сюжетных каталогов сказок, преданий, эпических и балладных песен. Подобная работа уже многие годы ведется фольклористами ряда европейских стран²¹. Она помогла бы выявить не только ареалы распространения тех или иных сюжетов, но и исторически сложившиеся сюжетные области с тем, чтобы впоследствии соотнести их с ареалами распространения определенных комплексов материальной культуры, обрядов, этнолингвистическими и этноантропологическими ареалами.

Фольклористы должны принять участие и в других формах этнографического картографирования, тем более, что именно фольклористикой еще второй половины XIX в. накоплен весьма значительный, хотя и очень односторонний опыт. Предстоит создать новую методику фольклористического картографирования, подчинив ее основной этнографической задаче — этнической истории народов. Есть все основания предполагать, что картографирование разных жанров фольклора, особенно обрядов и обрядового фольклора, значительно менее (или менее непосредственно) связанных с социально-экономическими и географическими условиями, могло бы дать не меньший, а может быть даже больший этнологический результат, чем картографирование сельскохозяйственных орудий, жилища и одежды. Действительно, в каком реальном взаимоотношении находятся границы ряда фольклорных явлений и этнические границы малых народов Сибири или ираноязычных и тюркоязыч-

²¹ S. Thompson, Fifty years of folktale indexing. «Humanoria», New York, 1960, p. 49—57. Составлены и опубликованы сюжетные каталоги русских, эстонских, латышских и литовских сказок (см. Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929; A. Aarne, Estnische Märchen und Sagenvarianten, Helsinki, 1925; O. Loorits. Livische Märchen- und Sagenvarianten, Helsinki, 1926; A. Medne. Latviešu, dzīvnieku pasakas, Rīga, 1940; J. Balis, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, Kaunas, 1936).

ных народов Средней Азии? В каком взаимоотношении находятся, если обращаться к русским примерам, ареалы распространения русских былин или тех или иных видов свадебного обряда, ладовые особенности народной мелодики и диалектические зоны, зоны распространения типов жилища и женской одежды и т. д.? Как здесь сказалась история миграций, взаимоотношения с соседями и история отдельных этнических группировок русского народа? Все это предстоит еще выяснить.

Итак, у фольклористов и этнографов много общих проблем, нуждающихся в обсуждении. Недавняя конференция «Фольклор и этнография», проведенная Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР, явилась новым подтверждением справедливости этого заключения.

S U M M A R Y

An important feature of folklore studies is that they are a field of research belonging both to philology and to ethnography; each phenomenon of folklore has its aesthetic and its social aspect. This being so the philological and the ethnographical aspects of folklore studies cannot exist and grow independently of each other. The author examines certain recent problems of folklore studies from this point of view. Some problems concerning the methods of determining the authenticity of data taken from folklore texts are also considered, as well as the possibility of utilizing them in research on the history of material culture, social structure, folk ideology etc. In conclusion, some possibilities are briefly examined of compiling folklore maps as a part of work on ethnographical atlases at present underway.
